

УДК 391/395

А. П. Баснина

**МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ДЕТСКОЙ
ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ВЫЗЫВАНИЙ»)**

Статья посвящена исследованию культуры детства в аспекте обрядового миромоделирования, восстанавливаемого на основе мифологических рассказов. Материалом для анализа являются записи рассказов о «вызывании» мифологических существ, записанные автором работы (2002–2009 годы). Культурологический код картины мира реконструируется на основе семантического исследования пространственно-временных моделей.

Ключевые слова: культура детства, картина мира, обряд.

A. P. Basnina

MYTHOLOGICAL WORLD IMAGE IN CHILDREN'S RITUAL CULTURE (ON THE MATERIAL "RECALLS")

The article is devoted to research of children's world modelling, which was restored from mythological stories. The records of interviews about mythological creatures, which had been recorded (2002–2009) by author of the article, are material for analysis. Culturologic code of world image was restored from semantic research of spatial and time models.

Keywords: children's culture, world image, rite.

В исследовании культуры детства отдельный интерес представляет изучение коллективных обрядово-игровых практик, во время которых ребенок формирует особое представление о мире. Данный культурный феномен тесным образом связан с системой фольклорных действий и верований, бытующих среди детей подросткового возраста. Сложность его исследования состоит в специфичной ситуации, которую А. А. Белик определил следующим образом: «детство – это особый мир, своеобразная культура в культуре, область, полная загадок и непознанных явлений. Это мир со своими правилами поведения, мир фантазии и игр, воспринимаемый как реальность» [1, с. 152]. Данная статья посвящена анализу мифологической картины мира, восстанавливаемой на основе детских рассказов о «вызываниях» мифологических персонажей: Пиковой Дамы, Гномов, Русалочек и др. Этот материал дает основание для реконструкции мифологической картины мира, актуализированной в детской среде, поскольку позволяет выявить мифологические архетипы, присущие детскому сознанию. Как отмечает С. А. Хазей, «детское мышление характеризуется такими чертами, как антропоморфизм, анимизм, дологизм, мистицизм, идентификация с миром природы» [2, с. 7], что создает основу для формирования особой мифологии и картины мира, репрезентирующей в фольклорных текстах и обрядах.

Понятие «картина мира» возникает в трудах Л. Витгенштейна, который обосновал его через связь образа мира и языка [3].

Терминологическое определение данному явлению дает М. Хайдеггер в программной работе «Время картины мира» [4]. Согласно Хайдеггеру, взгляд на окружающую действительность как на картину возникает, когда человек становится способным к осмыслению своего «я» в отдельности от окружающего. Картина мира предполагает не растворение субъекта, его воспринимающего, в мироздании, а взгляд со стороны, предстояние миру, когда происходит не «вживание», а переживание вселенной, центром которой является само воспринимающее «я». В культурологии и истории культуры разработка данного понятия принадлежит А. Я. Гуревичу. Гуревич использует это понятие при описании менталитета средневекового человека, определяя его как «сетку координат, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [5, с. 25]. В исследованиях последнего времени обращается внимание на то, что картина мира определяется многими конкретно-историческими особенностями развития общества, но главное для ее формирования – «тип мышления (логическое или образно-целостное, или мифологическое)» [6, с. 102], таким образом, формируется научная, мифологическая, языковая и др. картины мира. А. Я. Флиер, например, пишет: «образы жизни и картины мира – это наиболее типичные, массово распространенные в сообществе устойчивые наборы, совокупности стандартов деятельности, взаимодействия, поведения, представлений, суждений и т. п.» [7, с. 65].

К изучению традиционной фольклорной картины мира (на материале фольклора взрослых) обращались А. К. Байбурин [8], Т. В. Цивьян [9] и др. В работе А. К. Байбурина «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян» дается следующее определение: «...картина мира, вырабатываемая в процессе взаимодействия с окружающей средой, является одновременно функцией самосознания, определением своего места и роли в этом мире» [8, с. 5]. Тем самым картина мира представляет собой полусознанное или осознанное представление человека (или общества) о мире и своем месте в нем, зафиксированное в конкретных текстах культуры. Она формирует ценностные горизонты бытия и задает адекватную программу действий, поэтому соответствующее поведение человека и его возможные результаты являются реализацией знания о мироустройстве. Такими реализациями можно считать мифы, ритуалы, обряды, фольклор, памятники материальной культуры и др. Мифологическая картина мира построена на системе оппозиций: мир живых – потусторонний мир, левое – правое, верх – низ и др. Для ее реконструкции необходимо восстановить культурный код, ценностное ядро, формирующее модель мира.

Одними из репрезентантов детской мифологической картины мира являются детские рассказы о «вызываниях». С. Б. Борисов называет подобные обрядовые действия магическими практиками [10], имеющими важное значение в процессе социализации ребенка в детском коллективе. Суть «вызываний» состоит в следующем: ребенок в компании единомышленников посредством «ритуальных» слов и действий стремится «вызывать» из «иноного» мира мифических персонажей (Гнома, Русалку, Пиковую Даму и др.). Для совершения данного «обряда» выбирается особое место (предпочтение отдается замкнутым темным локусам),

используются специальные атрибуты (зеркало, нитка, съестная приманка и др.), заговорные формулы (например, «Пиковая Дама, приди!»). В детской культуре помимо самой практики «вызывания» актуализируются рассказы о ней, которые могут предшествовать «обряду», служить рефлексией по отношению к произошедшим действиям или бытовать совершенно самостоятельно. Эти рассказы представляют отдельный интерес для восстановления культурного кода мифологической картины мира ребенка. Автором статьи собрано более 200 текстов у информантов от 5 до 13 лет, а также у информантов 19–22 лет по их детским воспоминаниям.

В детских «вызываниях» отражается представление о дихотомичном мироустройстве, основанном на вере в сосуществование мира людей и мира потустороннего, «населенного» мифическими существами. Чтобы стало возможным взаимодействие между мирами, по представлениям детей, необходима определенная система действий. Данный процесс мотивируется с помощью аудиального кода – «вызывания». То есть участник детского обряда «зовет» мифологического персонажа из иного мира в мир реальный. Иногда в детской среде данное событие характеризуется как «колдовство». Выполняя ритуальные действия, участник «вызывания» представляет, что он способен разомкнуть границу между мирами, в результате чего мифический персонаж получает возможность материализоваться в мире людей.

В детской культуре «колдовство» расценивается как тайное знание, носителями которого являются дети постарше, они передают младшим свои представления о существовании «иноного» мира, о правилах взаимодействия с его обитателями, о необходимых для «вызывания» условиях и действиях. Участие в обрядовой практике для ребенка связано с переживанием страха и приобщением к некоей тайне. Все это наделяет ситуацию «вызывания» инициальными функциями.

В мифологической парадигме актуальны законы «зеркального отражения», когда потусторонний топос наделяется некоторыми признаками мира реального. В детских рассказах о «вызываниях» частотной характеристикой мифологических персонажей становятся те качества, которые свойственны детским пристрастиям и симпатиям. Отдельная группа рассказов вводит мотив «вызывания» персонажей при помощи сладкой приманки, а также об их своеобразном «детском» поведении.

Собранный материал дает основание для выявления следующих групп субъектов мифологических вызываний: персонажи, восходящие к традиционной несказочной прозе взрослых (Домовой, Водяной, Русалочка и др.); персонажи, восходящие к карточной символике (Пиковая Дама, Пиковый Валет, Червовая Дама и др.), кроме того, зафиксировано множество рассказов о «сладких» персонажах (Шоколадный Принц, Сладко-ежка и др.), «Гномах» (Гном-Матерщинник, Гномик и др.), «Бабках» (Бабка-Монетница, Бабка-Жвачка и др.), нарисованных персонажах (страшилка, животное, Лесорубщик, Собачник и др.). Возможно, истоки представлений о мифологических субъектах последней группы следует искать в мультфильмах, кинофильмах, книгах, созданных для детей и активно ими переосмысленных и включенных в систему фольклорных знаний о мире: «В наше время, говоря об истоках многих явлений детского фольклора, необходимо учитывать не только школьные книги, но и весь огромный спектр массовой культуры от триллеров и боевиков до рекламных роликов и ежедневного телесериала о телепузиках и покемонах» [11, с. 12]. Максимально частотные образы, появляющиеся в рассказах о «вызываниях», а также проникающие в другие жанры детского фольклора: Домовой, Гном-Матерщинник и Пиковая Дама.

В каждой из названных групп объединяются мифологические существа, по представлению информантов, обладающие индивидуализированным именем и обусловленными этим именем характером, внешним обликом и поведением (Гном-Матерщинник матерится, Король Сладостей одаривает участников обряда сладостями, Бабка-Жвачка запутывает в волосах жевательную резинку и т. д.). Система образов, зафиксированных в детском обряде «вызываний», вписывается в оппозицию добро – зло, определяемую способностью мифологического существа принести пользу (исполнение желаний, одаривание сладостями и т. д.) или вред (написание нецензурных слов на стенах, убийство и др.). Взаимодействие с обитателями потустороннего мира регламентируется определенным этикетом. «Вызывающие», кроме соблюдения порядка действий в обряде (что гарантирует безопасность его проведения), должны также соблюдать определенные правила поведения: это может быть уважительное отношение к мифологическому персонажу, запрет подсматривать, запрет на смех, на присутствие взрослых и т. д.

Существенной характеристикой мифологической модели мира в «вызываниях» является система хронотопических оппозиций. Прежде всего, пространство делится на «свое», безопасное, и «чужое», функционально соотнесенное с потусторонним миром. Необходимо уточнить, что топос дома, воспринимаемый как относительно безопасное место в традиционном фольклоре, в детской картине мира способен становиться «чужим» в определенных условиях. В детском мировидении чувство безопасности связано с присутствием взрослых, поэтому «вызывания» могут происходить дома, но исключительно в детском коллективе. В записанных текстах вмешательство, например, родителей характеризуется в парадигме разрушительного воздействия на результат «обряда».

На основе рассказов информантов восстанавливается значимость обрядового локуса, который с обыденной точки зрения осмысляется как маргинальный, то есть занимающий пограничное положение между мирами, являющийся своеобразным «окном» в потусторонний мир. К подобным локусам относятся темные нежилые помещения: туалет, ванная комната, место под лестницей, подъезд; затемненная жилая комната; гаражи, парк или лес. Уличное пространство, в котором может совершаться «вызывание», также осмысливается как «страшное». Предпочтение отдается локусам, в которых дети скрыты от внимания взрослых [12, с. 51]. Например, лес или парк воспринимаются как «страшный» мир, принципиально иной, чем городской или даже деревенский. Он наполнен своей жизнью, неизвестной ребенку, а потому не только интересной, но и страшной. Этот мир не контролируется взрослыми, а значит не может быть безопасным.

В детских мифологических рассказах о «вызываниях» пространство осмысляется через отношения с «иной» реальностью и наполнено сегментами возможного соприкосновения двух миров. Данные точки пересечения воспринимаются детьми как локусы обитания и «вызывания» мифологических персонажей. В процессе обряда происходит, по представлениям участников этого события, размыкание границы между мирами. Информанты довольно часто говорят, что мифический персонаж проникает через «дырку», поэтому подобное появление обитателя потустороннего мира в детских рассказах обозначается словом «вышел»³. В детской мифологической картине мира отсутствует

³ Ср. «Потом мы опять мыло новое положили, мыло прям чистое, им даже руки не мыли, и мы говорили три раза: “Мыльник, Мыльник, выходи”. Он вышел, и вдруг че-то «Бабах!» мы слышим, мы включили свет и смотрим: мыло упало, ничего нету» (Тильченко Юлия, 13 лет, запись в с. Мазурово, 2008 г.).

определенное месторасположение потустороннего пространства, оно существует всегда непосредственно рядом с ребенком. В роли границы между мирами может быть зеркало, лист бумаги, на котором нарисован мифический персонаж. Возможно материальное воплощение его прихода в мир людей. Например, при вызывании Пиковой Дамы частотен вариант прорисовки ступеней лестницы на зеркале (мифологический персонаж словно выходит из зазеркалья). При вызывании Гнома-Матерщинника используется нитка с завязанными на ней узелками. Узелки в этом случае представляют своего рода преграду, которая затрудняет и замедляет путь мифического существа⁴. В мировой мифологии нить (веревка) и лестница – символические эквиваленты пути-жизни. Связывая реальный и потусторонний миры, они обуславливают проникновение мифических существ в мир людей. Разрушение подобного хронотопа (например, стирание нарисованной на зеркале лестницы) – знак прерванного обряда, уничтожающий связь между мирами.

Пространство «вызываний» семантически соотнесено и со временем. Время в детской мифологической картине мира организуется оппозицией: день – ночь. Если дневное (светлое) время безопасно, не содержит неизвестного, тайного, страшного, то ночь, а именно темнота, связана с представлениями о возможной опасности (наиболее вредоносных мифологических персонажей «вызывают» именно в темное время суток). В этом случае наблюдаются некоторые отличия от традиционного фольклора. Если в сказочной прозе взрослых значимыми являются пограничные хроносы, осмысляемые как размыкание границы между мирами – полночь, полдень [13, с. 171],

⁴ «Гном должен появиться, пройти, ругаясь, по нитке, запинаясь об узелки, и съесть конфету, которая лежит неподалеку» (Протасова Анастасия, 19 лет, по детским воспоминаниям, запись в г. Прокопьевск, 2004 г.).

то для детей ночное время представляется как пограничное, время возможного проникновения в реальный мир сверхъестественных сил. Подобную семантику ночное время получает в связи с темнотой, которая мыслится как проявление потустороннего мира. Таким образом, темпоральные характеристики воспринимаются, скорее, в пространственном аспекте: ночь – это темное пространство, распространяющееся на весь окружающий ребенка мир (например, ночью, но с включенным светом дети не боятся). Поэтому в «вызываниях» становится возможным моделирование ночного мира путем завешивания окон или проведения обряда в темных локусах: под лестницей, в подъезде, в ванной комнате и т. д. Хотя объективно такие «вызывания» приурочены к светлomu времени суток.

Записанные фольклорные тексты позволяют говорить о том, что для детской мифологической картины мира в обряде «вызываний» более значимыми являются его пространственные характеристики, нежели временные. Картина мира, восстанавливаемая на основе детских рассказов о «вызываниях», дихотомична. Семиотически она включает в себя безопасный реальный мир и подразумеваемый потусторонний, населенный мифическими существами. Оба данных пространства отделены проницаемыми в определенных условиях границами. Потустороннее не имеет определенной локализации, известны лишь его характеристики (например, темнота). По представлениям детей, мифологические существа «живут» в непосредственной близости к человеку и при «вызывании» происходит их материа-

лизация или выход в реальность. В соответствии с представлениями о потустороннем мире осмысляются локусы окружающего пространства. С точки зрения временных характеристик, имеет значение циклическая смена дня и ночи и связь ночи с потусторонним миром. Мифологические персонажи в соотношении с общекультурным контекстом часто представляют собой синтетические образы, формирующиеся под влиянием различных источников: традиционного русского и зарубежного фольклора, литературы для детей, мультипликационных и художественных фильмов и т. д. Происходит особого рода вовлечение реалий окружающей действительности в детскую культуру, когда информация, усвоенная ребенком в процессе познания себя и окружающей реальности, мифологизируется и органично встраивается в его представления о мире. Мифологическая картина мира ребенка определенным образом формирует его поведение в исключительных обстоятельствах. При этом обрядовые действия имеют целью аккумуляцию и проверку знаний, воплощаемых в мифологических рассказах. Данные представления также определяют взаимодействие ребенка с детским коллективом, мифологический этикет и поведение при посещении и исследовании мест, связанных в его сознании с потусторонним миром. Кроме того, в обрядовых практиках происходит социализация участника «вызываний» в детском коллективе. Культурологический код детского обряда восходит к общемифологическим представлениям и архетипам, приобщение к которым соприродно инициальной модели поведения.

Литература

1. Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. – М.: РГГУ, 1998. – 241 с.
2. Хазей С. А. Психология детской мифологии и фольклора (на материале исследования детей и подростков на территории Республики Беларусь): автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1998. – 20 с.

3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1.
4. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93–119.
5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 285 с.
6. Цветущая сложность: Разнообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 102.
7. Флиер А. Я. Культурогенез. – М.: РИК, 1995. – С. 65. – 128 с.
8. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 188 с.
9. Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста. – М.: Индрик, 1999. – 375 с.
10. Борисов С. Б. Мир русского девичества. 70–90 годы XX века. – М.: Ладомир, 2002. – 343 с.
11. Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). – М.: Лабиринт, 2002. – 224 с.
12. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 1999. – 288 с.
13. Криничная Н. А. Русская народная повествовательная проза. Истоки и полисемантизм образов: в 3 т. – Т. 1.: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». – СПб.: Наука, 2001. – 584 с.